

Серьёзных травм у Чэн Е не обнаружили, зато врачи диагностировали аппендицит.

В наши дни операция по удалению аппендикса — дело обыденное и несложное, и всё же Ли Цинъюй места себе не находил от волнения.

День операции совпал с финальным этапом провинциального конкурса. Присутствие участников требовалось в обязательном порядке, поэтому вырваться Ли Цинъюй никак не мог.

Сюй Вэйжань бил себя кулаком в грудь и божился, что они присмотрят за Чэн Е, так что можно со спокойной душой ехать на соревнования.

Смотр проходил в соседнем городе. Едва всё закончилось, Ли Цинъюй взял билет на ночной скоростной поезд и помчался назад; в город А он прибыл уже в одиннадцать вечера.

Поймав такси, он поехал прямо в больницу и возле Первой аффилированной больницы оказался уже около полуночи.

У самого входа Ли Цинъюй столкнулся с медсестрой и расспросил её о состоянии больного; к тому же Сюй Вэйжань с парнями успели скинуть сообщение, что всё прошло идеально и переживать не о чем. И всё же тревога не отпускала.

Он понимал, что с Чэн Е всё в порядке, понимал и то, что в такой час не стоит тревожить человека, только-только перенёвшего операцию. И всё же ничего не мог с собой поделать. Лишь увидев его своими глазами, он мог бы наконец перевести дух.

Потоптавшись секунду у палаты в сомнениях, Ли Цинъюй всё же тихо, на цыпочках, скользнул внутрь.

Свет в комнате не горел, но шторы на окнах оставались раздвинутыми. Мягкое лунное сияние вперемешку с бледными отсветами из больничного коридора вполне позволяло разглядеть обстановку.

На койке мирно спал Чэн Е. Цвет его лица казался обычным, он даже беспечно похрапывал во сне. Напряжение, мучившее Ли Цинъюя последние дни, наконец немного отпустило.

В полумраке Цинъюй принялся бережно, штрих за штрихом, очерчивать взглядом родной силуэт.

Ссадина на лбу почти затянулась, оставив лишь бледное розоватое пятнышко, которое и не заметишь, если не всматриваться. У Чэн Е шрамы долго не задерживались — скоро и этого

следа не останется.

На самом деле Ли Цинъюй тайком вглядывался в это лицо бесконечное множество раз.

Лоб, нос, разрез глаз, губы, подбородок... Он мог бы с закрытыми глазами, не колеблясь, набросать каждый изгиб на холсте.

Это был его самый главный, сокровенный секрет, который он бережно хранил все эти годы. Он любил его — безумно, до судороги в груди.

Никому ни словом не обмолвившись, на провинциальный конкурс Ли Цинъюй представил картину под названием «Маргаритки».

Ведь на языке цветов маргаритка означает тайную, глубоко запрятанную любовь.

На холсте замер юноша, полный юношеского задора: лёгкое касание площадки кончиками пальцев, стремительный прыжок вверх и бросок в кольцо.

Именно таким он впервые увидел Чэн Е во втором классе средней школы.

Тогда Цинъюй только-только перебрался из деревни. Душу переполняли робость и въедливое чувство собственной ущербности. Идя за тётушкой по школьному двору, он не смел даже поднять глаз на прохожих.

Тётушка отошла в уборную, велев ему подождать на скамейке у баскетбольной площадки. Мимо снували ученики в одинаковой школьной форме, и Цинъюю казалось, будто абсолютно каждый взгляд устремлён прямо на него.

Дикий страх перед чужим, незнакомым миром и давящая застенчивость жгли лицо стыдом. Он сидел на лавке, словно истукан, отчаянно впиваясь ногтями в ладони и не смея шелохнуться.

До дрожи боялся, что кто-то заговорит с ним или начнёт перешёптываться за спиной. В своей нелепой, деревенской одежде он выглядел среди этих городских ребят чужеродным пятном.

Какая-то девчонка подбежала к нему и любопытно спросила:

— Ты новенький? Из какого класса?

В деревне из-за отсутствия родителей Цинъюя постоянно обижали. Его били, осыпали бранью и дразнили синеглазым чудовищем.

Друзей у него не было. Единственными, с кем он делился душой, оставались старая бабушка да верный бык. Потом не стало быка. А вслед за ним ушла и бабушка. С тех пор Цинъюй просто замолчал.

Когда к нему неожиданно обратились, у Цинъюй от страха затряслись руки. Не смея поднять взгляд и показать свои странные глаза, он лишь бессмысленно шевелил губами, не ведая, куда себя деть.

Так и не дождавшись ответа, девчонка дёрнула подругу за рукав:

— Да он ненормальный какой-то, пойдём.

Они отбежали к остальным ученикам и давай о чём-то шептаться, тыча в его сторону пальцами. Несколько человек обернулись. По площадке поползли смешки. Они смеялись над ним.

Цинъюй готов был сквозь землю провалиться от жгучего стыда.

Внезапно к его ногам подкатился баскетбольный мяч и ткнулся в штанину. Из глубины площадки донёсся оклик:

— Эй, приятель, пасани обратно!

Цинъюй замер, не в силах шевельнуться.

— Чё он такой жадный? — буркнул кто-то.

— Сам сходи, ленивая рожа, — раздался в ответ звонкий, наполненный солнцем голос.

Раздалась быстрая дробь шагов — кто-то направлялся прямо к нему.

На раскалённый асфальт легла широкая тень. Цинъюй медленно поднял голову.

Высокий юноша стоял против солнца, так что его силуэт казался почти исполинским. На миг растерявшись, Цинъюй всё же разглядел его лицо.

Парень наклонился, подхватил мяч и, выпрямившись, с любопытством всматривался в его лицо:

— Ты иностранец, что ли? Ничего себе, какие глаза красивые!

Циньюй опешил.

Парень задорно ухмыльнулся:

— Смотри, заморский гость, щас покажу класс!

С этими словами он пружинисто оттолкнулся от земли, взмыл в воздух и лёгким движением кисти отправил мяч по идеальной дуге. Гулкий звон — и мяч юркнул точно в сетку. Безупречный трёхочковый.

Циньюй так и застыл с открытым ртом.

Парень повернулся, задрал край футболки и отерев пот со лба, а затем открыто и ослепительно улыбнулся, блеснув ровными белыми зубами. Во всём его облике сквозила безудержная, уверенная в себе дерзость. Протянув руку, он громко произнёс:

— Привет! Я Чэн Е из восьмого «Б».

В детстве Циньюй слышал от деревенских немало историй о любви. Тогда он ни черта в этом не смыслил.

Лишь с годами до него дошло: любовь не подчиняется разуму. И желание отдавать всего себя ради того, кто дорог, тоже невозможно объяснить логикой.

Если бы в нашем мире всё измерялось лишь здравым смыслом, многие чувства просто испарились бы.

Вот и в его чувствах к Чэн Е не было ни капли практичности. Циньюй прекрасно понимал: Чэн Е — гетеросексуал. Он никогда не ответит взаимностью мужчине, будь тот хоть альфой, хоть бетой, хоть омегой.

И всё же он продолжал любить его — преданно, смиренно и с горькой радостью. Вот только хранить эту безответную любовь годами оказывалось чересчур больно.

Оборвав воспоминания, Ли Циньюй попятился к выходу, собираясь уйти. Как вдруг ноги его подкосились, а дыхание мгновенно сбилось.

В спешке, когда все его мысли занимал один только Чэн Е, он совершенно не обратил внимания на то, что палата пропитана до боли знакомым ароматом феромонов.

Палата была отдельной, и в углу стоял диван для сопровождающих. Именно там, погружённый в полусон, сидел Чэн Вэй.

На нём был строгий костюм дымчато-серого цвета, очки аккуратно зацеплены за дужку нагрудного кармана. Скрестив руки на груди, он дремал. Сморенный усталостью, Чэн Вэй даже не услышал, как вошёл Цинъюй.

Они не виделись целых шесть дней. Все эти дни Ли Цинъюй без устали запирался в мастерской, работая до изнеможения. Бессонные ночи и сегодняшняя выматывающая дорога окончательно подорвали его силы. И теперь, стоило ему едва ощутить чужие феромоны, как ноги налились свинцом. А ведь этот запах был настолько слаб, что его едва ли можно было назвать явственным.

На мгновение Цинъюй словно лишился рассудка: ноги сами собой, вопреки разуму, понесли его к дивану.

Опомнился он лишь тогда, когда уже склонился над спящим Чэн Вэем. Его пальцы замерли буквально в миллиметре от чужой щеки — сделай он ещё одно микроскопическое движение, и он коснулся бы его кожи.

Цинъюй опешил, словно очнувшись от наваждения, и отдёргнул руку, будто обжёгся.

И ровно в эту секунду мужчина, доселе неподвижно дремавший на диване, резко распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/20116/1991902>